

Глава 11

Пражская весна — попытка прорыва в будущее

Накануне. Солженицын и Пражская весна.

21 августа.

Оригинальная реакция русской эмиграции.

Беспримечательное сопротивление.

«Народ моей любви».

Пора подводить итоги. Доклад Ота Шика

Пражская весна была одним из самых ярких событий в моей жизни, во многом определившим мою дальнейшую судьбу. Шесть месяцев чехословацкой революции моя душа пребывала на улицах Праги. Вот уж когда хотелось сказать: «Остановись, мгновение!». Но оно было смято российско-советскими вождями, тупыми и жестокими, как гусеницы их танков.

Наряду со сталинской контрреволюцией 1928 года подавление Пражской весны я вижу как одно из самых трагических событий в истории России и мира. Я убежден, что история мира, и прежде всего России, пошла бы иначе, если бы революционные реформы Пражской весны не были остановлены в августе 1968 года. Более того, если человечество в обозримом будущем придет к гибельному концу, к какой-нибудь тяжелейшей катастрофе, то подавление Пражской весны, как и польской «Солидарности», будет одним из событий, которые предопределяют такой исход.

Но все по порядку. Весна и лето 68-го года благодаря воспламенению Чехословакии запомнились как яркая, солнечная, праздничная пора. Очень многих людей в стране охватила тогда надежда на счастливые перемены и в Советском Союзе. Мирный характер чехословацкой революции, а это была чистой воды революция, и ее бурная энергия давали основание для такой надежды.

Шестидесят восьмой год вообще был очень бурным годом: кроме Пражской весны, майская студенческая революция в Европе, едва не перешедшая в полную антикапиталистическую революцию, и появление первой политической работы Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», тиражи которой заняли третье место в истории после Библии и «Капитала» Маркса. И подчеркну, все три эти события были направлены в одну сторону: к синтезному, или конвергентному, социализму.

Вкратце напомним предысторию Пражской весны. Ироническую усмешку вызывает сейчас тот факт, что одним из толчков к пробуждению Чехословакии послужило обращение А. Солженицына к съезду советских писателей, проходившему в конце 1967 года, с призывом добиваться отмены цензуры в литературе.

На съезде советских писателей никто не решился не то что зачитать обращение Солженицына, но даже упомянуть о нем. Однако вскоре состоялся съезд писателей Чехословакии, и там обращение Солженицына было оглашено. Зачитал его известный в те времена в Советском Союзе драматург Павел Когоут. (Его пьеса «Такая любовь» широко шла в СССР.)

И мало того, съезд большинством голосов принял резолюцию с требованием отмены вообще всей цензуры, не только в литературе.

Руководители Союза писателей в наказание были сняты со своих постов и исключены из партии. Но в поддержку требования отмены цензуры поднялось студенчество. Власти попытались было подавить протесты, да не тут-то было: забурлила вся страна, и на знаменитом январском пленуме ЦК КПЧ генсек Антонин Новотный был смещен и на его место избран Александр Дубчек, что и стало началом так называемой Пражской весны.

В Москве очень мало что было известно об истинных обстоятельствах событий в Чехословакии, их направленности и цели. Советские средства информации кричали, что «чехословацкие ревизионисты — агенты ЦРУ и сионизма», хотят вырвать Чехословакию из лагеря социализма и восстановить капитализм. Но мне повезло: весной 68-го года мой друг, профессор факультета журналистики МГУ Сергей Муратов познакомил меня с группой студентов журналистского факультета пражского Карлова университета, проходивших стажировку в МГУ. (В чем они могли стажироваться в СССР, кроме как в искусстве лжи, было не очень ясно!) И от этих студентов я имел обширную информацию о положении в Чехословакии, в том числе и о главной цели реформистского движения в их стране. Цель эта состояла в создании нового строя — демократического, кооперативного социализма с рыночной экономикой.

Перемены в жизни Чехословакии в ту весну происходили с характерной для революции скоростью или, точнее, сжатостью времени. Была полностью ликвидирована всяческая цензура, образовывались новые партии — социал-демократическая, Объединение беспартийных активистов, Партия рабочих советов и ряд других, возникали независимые органы массовой информации, промышленные предприятия получили настоящую самостоятельность и на них создавались рабочие советы, была восстановлена независимость профсоюзов. И все это — без малейших актов насилия и экстремизма, в атмосфере всеобщего подъема и единения.

Очень важно также отметить, что идеи и импульсы перемен шли не сверху, от власти, а из гущи общества. Сначала появилась программа интеллигенции — «Две тысячи слов», а потом уж партийное руководство выдвинуло свою «Программу действий». Программа социально-экономических реформ была разработана в академических кругах под руководством директора института экономики АН Ота Шика. В Чехо-словакии большая часть академической интеллигенции не равнялась на власть, на партию, на марксистскую идеологию.

С пражскими студентами я проводил очень много времени. Мы ездили с ними по Подмосквовью, встречались на вечеринках и ходили на просмотры чешских фильмов, на которые они меня приглашали. Фильмы демонстрировались в клубах в полузакрытом режиме. Многие в России сейчас забыли или вообще никогда не знали, что еще до начала Пражской весны, в предыдущие несколько лет киноискусство Чехословакии достигло такого расцвета, что характеризовалось на Западе как «чехословацкое киночудо». И фильмы, которые мне удалось посмотреть в Москве, были действительно замечательными, отличались отсутствием всякой казенщины, штампов, искрились швейковским юмором. Поражало, насколько либеральнее, чем в Советском Союзе, должна была быть атмосфера в Чехословакии еще при просоветском режиме, если могли тогда появляться подобные фильмы. Было даже немного непонятно, отмены какой еще цензуры добивались активисты Пражской весны? Взлет чехословацкого киноискусства давал представление о том, насколько глубоки были корни разразившейся в 68-м году революции.

После советской оккупации большинство деятелей чехословацкого кинематографа эмигрировали на Запад, и многие из них там не затерялись. Достаточно вспомнить имя Милоша Формана, покоровшего мир своим «Полетом над кукушкиным гнездом», фильмом, вошедшим в классику мирового киноискусства.

Запомнился характерный эпизод. Моим чехословацким друзьям очень понравилось озеро около станции Кратово, на которое я их водил купаться. Однажды они пошли туда сами, без меня, и взяли напрокат лодку под свой паспорт. Катаются они себе на лодочке, и вдруг к ним подруливает милийцейская моторка. Оказывается, зона Кратово была закрыта для иностранцев: там находились «объекты» — авиационные предприятия. Все эти объекты мало того что располагались далеко от озера, так они еще были и ограждены чудовищными заборами, за проектировку которых была присуждена сталинская премия. И все равно — не положено! Милийцейский начальник угрожал моим друзьям высылкой из СССР, сообщением в посольство.

— Но мы же граждане союзной социалистической страны! — урезонивали студенты начальника.

— Это вы-то — союзники!? — насмеялся милиционер. — У вас там сейчас заправляют агенты ЦРУ и сионизма, всякие там шики!

Советская пропаганда постоянно играла на том, что в России немецкую фамилию Шик носят евреи. Как только в советских СМИ заходила речь о «сионистских происках» в Чехословакии (т. е. о реформах), сразу же упоминался Ота Шик. Но Шик не принадлежал к библейской нации. За долгое время австрийского господства немецкие фамилии тем или иным путем пристали ко многим чехам. Между прочим, в молодости Ота Шик был узником нацистских концлагерей как участник сопротивления.

Здесь стоит отметить, что чехи в массе своей с неприязнью относились к антисемитизму и болели за Израиль. При образовании Израиля, когда Сталин короткое время поддерживал израильтян в пику англичанам, он использовал Чехословакию для снабжения израильтян оружием (в основном трофейным, немецким). Сталин со своей хитроманией не хотел напрямую посылать оружие в Израиль из СССР. Когда потом в отношениях с Израилем он повернул руль на 180 градусов, значительная часть чехословацкого общества к такому повороту отнеслась негативно.

Потрясением для чехов явился и состоявшийся вскоре после этого процесс над группой партийных деятелей во главе с Рудольфом Сланским, евреем по национальности, обвиненных во вредительстве по наущению сионистской агентуры. По требованию Кремля «сионистские вредители», одиннадцать человек, были приговорены к невыносимо жестокому для Чехословакии наказанию — к повешению.

Особенно сильно произраильские настроения вспыхнули в Чехословакии во время шестидневной войны 1967 года. Скандал тогда разразился в связи с выступлением известного в Чехословакии писателя Ладислава Мнячко, открыто поддержавшего Израиль и осудившего араб-

ские страны и стоявший за ними Советский Союз. Власти лишили Мнячко чехословацкого гражданства, и он вынужден был эмигрировать в Австрию. Этот скандал был одним из факторов, разогревших оппозиционные настроения в стране. После прихода к власти Дубчека чехословацкое гражданство Мнячко было немедленно восстановлено, он вернулся на родину и был избран секретарем правления Союза писателей, на посту председателя которого тогда же был восстановлен «еврей» Гольдштукер.

После всего этого не приходится удивляться тому, что антисемитские обертоны в античешской пропаганде Москвы звучали особенно сильно.

Ближе к 20 августа тон советской пропаганды делался все более зловещим. Нагнетали тревогу и многочисленные совещания руководителей стран «лагеря мира и социализма» с их ультимативными требованиями к руководству ЧССР. Все говорило о том, что готовится вторжение, но поверить в это было совершенно невозможно. Тогдашние настроения советских руководителей хорошо иллюстрирует эпизод, имевший место на их последних переговорах с руководителями Чехословакии в Черне на Тиссе. В составе чехословацкой делегации находился председатель Национального фронта ЧССР и член Политбюро ЦК КПЧ Франтишек Кригель, еврей по национальности. По свидетельству Зденека Млинаржа, у Кригеля «по сравнению с другими членами дубчековского руководства не было никаких идеологических иллюзий относительно советской великодержавной политики». Советские представители это, конечно, чувствовали, и то ли Подгорный, то ли Шелест, я запомнил, после одного из выступлений Кригеля в открытую высказался в том смысле, что какое, мол, право имеет «этот еврей говорить от имени чехословацкого народа»? Делегация ЧССР в знак протеста ушла с совещания и вернулась на другой день лишь после того, как советские коммунисты-интернационалисты принесли ей и Кригелю официальное извинение.

Позже, после вторжения советских войск в Чехословакию, Кригель, единственный из руководителей ЧССР, отказался подписать со-

глашение с «советскими товарищами» об условиях «временного» пребывания «варшавских» войск в Чехословакии. Интересно также, что Кригель был участником гражданских войн в Испании и в Китае, но (десять восклицательных знаков) в качестве полевого врача. Он был врачом по специальности. Врачом он работал и в Чехословакии в начале 50-х годов, когда попал в немилость в разгар сталинского антисемитизма.

Двадцатого августа я был у родителей на даче в Кратово, ездил ближе к вечеру купаться на карьер, что около туполевского аэродрома под городом Жуковским, и с удивлением увидел, как с него взлетел гигантский «Антей». Через пару дней от моего товарища, работавшего на том аэродроме, я узнал, куда и с каким грузом он полетел.

Утром 21 августа, ничего еще не зная, я вышел из дома и увидел кучки людей у газетных киосков. По тому, как тихо они стояли, с каким напряженным вниманием читали что-то в газетах и с какими лицами отходили, стало ясно, что случилось что-то очень серьезное и нехорошее. И уже предчувствуя, что именно случилось, я подбежал к ближайшему стенду и с ужасом увидел сообщение ТАСС о вступлении войск стран Варшавского договора в Чехословакию «для оказания братской помощи трудящимся ЧССР». «Они все-таки пошли на это!» — стучало в голове. И очень пусто стало в душе, в мире...

Потом «вражеские голоса» прояснили подробности. Людям, выросшим позже или подзабывшим то время, напомним, что накануне вечером, 20 августа, на центральный аэродром Праги приземлился советский «Антей» (наверное, тот, что на моих глазах взлетал с аэродрома под Жуковским!), из которого высадились десантники и взяли аэродром под свой контроль, а другая их часть на машинах советского посольства отправилась арестовывать руководителей суверенной страны. Одновременно войска СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии перешли границу Чехословакии. Группировка вторжения насчитывала 600 тысяч солдат и офицеров!

Для сравнения, максимальная численность американских войск во Вьетнаме составляла 500 тысяч. И это при том, что население Северного Вьетнама было вдвое больше населения Чехословакии, и война шла в джунглях, которых в ЧССР, как известно, не водится. Да и не готовилась армия ЧССР к сопротивлению.

На всех союзных танках, бэтэрах и военных машинах были намалеваны белые кресты, чтобы отличать своих от чужих: ведь техника у армии ЧССР была советского производства. «Крестonosцами» называли западные журналисты союзные войска.

Десантники, высадившиеся в пражском аэропорту, захватили здание ЦК КПЧ и арестовали всех высших руководителей страны во главе с Дубчеком еще задолго до подхода основных сил. Потом этот же прием был повторен при вторжении в Афганистан. С той лишь «небольшой» разницей, что там руководителя братской компартии десантники на всякий случай пристрелили.

Десантники в Праге окружили также здание Центрального радио и телевидения. Но там все двери были заперты и забаррикадированы, и десантники начали стрелять по окнам. Чехи, показывая потом приезжим здание радио со следами от пуль на стенах, шутили: «Это фрески Эль Гречко!». (Союзными войсками командовал маршал Гречко.)

Позднее, работая на «Свободе» в Мюнхене, я познакомился и сдружился с комментатором чехословацкой редакции «Свободной Европы» Карелом Ездинским, который во время советского штурма в ночь с 20 на 21 августа вел на пражском радио репортаж.

Когда пули стали влетать через окна в студию, все работавшие там сотрудники легли на пол. Лежа на полу, Ездинский продолжал репортаж, и в эфире был слышен свист влетающих в студию пуль, а затем и удары прикладов в дверь, когда советские десантники начали ее взламывать.

— Вы слышите удары? — вел репортаж Ездинский. — Это советские солдаты ломают нашу дверь!

Потом раздался треск, грохот, и Ездинский успел прокричать в микрофон: «Они свалили дверь! Прощайте!».

Весь демократический мир был потрясен вторжением в Чехословакию. Вновь Советский Союз провоцировал конфликт, угрожавший пожаром войны. Оказавшись в Мюнхене в 1974 году, я узнал от местных жителей, какую тревогу пережили они 21—22 августа, когда через город шли колонны американских войск и бронетехники, направлявшиеся в «Байеришер вальд» («Баварский лес», восточный регион Баварии) — к чехословацкой границе.

Даже западноевропейские компартии и левые профобъединения решительно осуждали подавление Пражской весны. Я знал итальянских коммунистов, которые, находясь во время вторжения в Чехословакию, помогали чехам перевозить аппаратуру для подпольных радиопередатчиков, распространяли газеты и листовки, призывавшие народ к сопротивлению.

Но узнал я и о поразительном исключении. Большинство сотрудников русской редакции «Свободы» во время вторжения два дня «не просыхали» от радости — праздновали подавление Пражской весны! Эти люди, старые эмигранты военных лет, свирепо ненавидели Дубчека и всех активистов Пражской весны и самое это событие. Они не верили, как они это объясняли, в возможность реформирования «коммунистического режима» и в искренность самих реформаторов. Но это, конечно, был камуфляж. Недоверием к Дубчеку и пражским реформам не объяснить бурную радость работников антисоветской радиостанции по поводу советской оккупации Чехословакии.

Остановлюсь подробнее на этом феномене. За ненавистью русских эмигрантов к чехам и словакам стояла, по моим наблюдениям, ненависть к демократии — прежде всего за ее плюрализм. И им не по нутру была именно демократическая направленность Пражской весны. Их симпатии и энтузиазм вызывали любые движения в сторону правых диктатур. Они, к примеру, превозносили режимы Франко и Пиночета. Народно-трудовой союз (НТС), самая организованная и влиятельная группировка в русской эмиграции, во время войны сотрудничавшая с нацистами, позже открыто заявляла о своих надеждах на Александра Шелепина, «железного Шурика»; многолетним резидентом НТС в СССР был полковник КГБ Ярослав Карпович, специалист по борьбе с диссидентами демократической ориентации.¹

(В 1972 году он пытался вторгнуться и в мою жизнь). Сейчас НТС, разумеется, поддерживает Путина и его соратников, таких, к примеру, как губернатор Ульяновской области генерал Шаманов, кровавый завоеватель Чечни, или губернатор Краснодарской области Ткаченко.

Горбачев же вызвал в среде русских эмигрантов военных лет (и примкнувших к ним новых эмигрантов) такую же ненависть, как ранее Дубчек. Примерно такие же «теплые» чувства испытывали эти люди и к Сахарову, и к близким ему по духу деятелям в Германии, таким, как Томас Манн, Генрих Белль, Гюнтер Грасс, Вилли Брандт. Сахарова между собой они называли «цукерманом», и в 1972–1973 годах я читал в самой уважаемой русской эмигрантской прессе («Русская мысль», «Новое русское слово») полемику на тему, является ли Сахаров агентом КГБ! В то же время эти люди боготворили Солженицына и его последователей, националистов и ненавистников демократии.

Но есть у этого феномена и еще более глубокий подтекст. Это ненависть людей тьмы и грязи к людям света и чистоты.

Томас Манн людей первой категории без обиняков называет «причастными к преисподней», или людьми «подземной сомнительности».

Людей света они ненавидят как свою противоположность — за их чистую совесть, органическую доброту, честность, искренность, открытость, за качества, которыми люди тьмы не обладают и обладать не могут. И так как стремление к нравственной чистоте, к добру имманентно природе человека, то люди тьмы подсознательно ощущают свою неполноценность и даже античеловечность, ощущают превосходство людей света, завидуют им и значит — вновь ненавидят.

Разумеется, «причастным к преисподней» человек становится главным образом в результате сложнейшего влияния условий его взросления и жизни, подавляющих нормальную реализацию основополагающих потребностей человеческой природы. Часто это влияние проявляется весьма ясно и легко прослеживается. Например, глубинную причину ненависти многих русских эмигрантов военного времени к людям типа Дубчека или Сахарова я вижу в том, что их совесть омрачена сотрудничеством с нацистами. И так как раскаяться в своем прошлом им не хватило нравственной силы, то они так и остались «людьми тьмы» с присущей им ненавистью к «людям света».

Но вернемся к основной теме этой главы.

Сразу же после вторжения в Чехословакию союзных войск там началось беспримерное ненасильственное сопротивление оккупантам всех слоев общества. Это было настоящим чудом,

¹В годы перестройки Карпович в своих покаянных статьях признавался, что обманывал руководство НТС и продолжал работать на КГБ.

вероятно, беспрецедентным явлением в истории. Советским военным не давали прохода, позоря их. Все города покрылись лозунгами антисоветского и антирусского содержания. Хотя до той поры чехи и словаки были наиболее дружелюбно настроены к русским по сравнению с другими народами Восточной Европы.

В считанные дни возобновилось независимое радиовещание, издание газет и листовок. Все органы власти и общественные организации на местах, включая ячейки КПЧ, не только не исполняли никаких указаний оккупантов, но даже не вступали с ними в контакт. Чтобы затруднить передвижение советских войск почти на всех улицах были сняты таблички с их названиями, а на дорогах — указатели направления, а часто их переворачивали или заменяли надписями: «До Москвы 2000 км».

Советская пропаганда заявляла, что войска стран Варшавского пакта пригласила какая-то группа государственных и общественных деятелей ЧССР, и такие люди существовали в реальности, но в обстановке всенародного осуждения оккупантов они не решились объявить себя подписантами приглашения-призыва. Отсюда родилась шутка: что делают советские войска в Чехословакии? — они ищут тех, кто их пригласил!

И, пожалуй, самым поразительным событием стало проведение на другой же день после вторжения чрезвычайного XIV съезда КПЧ, который осудил вторжение, избрал новое руководство партии из числа искренних сторонников реформ и призвал население страны к неповиновению оккупантам. Делегаты этого съезда были избраны еще весной, когда предполагалось его проведение. Тогда Дубчек не решился его собрать из-за противодействия консерваторов и агентов Москвы, остававшихся в руководстве КПЧ.

В августе съезд проходил в помещении одного из заводов на окраине Праги, в Высочанах, и охранялся невооруженными рабочими.

В условиях такого всеобщего сопротивления советские агенты и коллаборанты в руководстве КПЧ не решились осуществить планы Москвы по созданию «революционного рабоче-крестьянского правительства» и «революционного трибунала», который должен был судить Дубчека и его соратников. Москве пришлось пойти на переговоры с ними, чтобы как-то легализовать присутствие своих войск в суверенной стране. Дубчека и его «подельников», которые в это время почти все уже находились под арестом, срочно доставили в Москву и «предложили» подписать соглашение о «временном» пребывании «варшавских» войск в ЧССР. Им угрожали пытками! Зденек Млинарж,¹ секретарь ЦК КПЧ, который тоже участвовал в тех «переговорах», пишет в своей книге «Холодом веет от Кремля», что Дубчеку и пяти другим членам Политбюро ЦК «показали уже орудия пыток! И каждый из них уже прощался с жизнью»².

«Тогда в Кремле, — писал Млинарж, — мы окончательно поняли, что имеем дело с бандой гангстеров». Млинарж при этом вспоминает, что Янош Кадар, глава венгерского руководства, еще до оккупации ЧССР спрашивал Дубчека: «Неужели вы не понимаете, с кем имеете дело?». Кадару казалось невозможным, чтобы Дубчек этого не знал.» (с. 271).

¹Напомню, что Зденек Млинарж в 50-ые годы учился на юрфаке МГУ и жил в общежитии на Стромынке в одной комнате с Михаилом Горбачевым, дружил с ним и обменивался взглядами. Так что Млинаржу мы, видимо, в какой-то степени обязаны нашей перестройкой.

²Нью-Йорк, 1983.С. 264.

Здесь мне бы хотелось, чтобы читатель задумался над чрезвычайно важным вопросом: изменился ли с тех пор характер власти в России?

В конце августа 68-го соглашение с незначительными уступками со стороны Кремля было чехословацкой стороной подписано. Не подписал его только Франтишек Кригель. Члены чехословацкой делегации безуспешно пытались его уговорить. Вот как об этом пишет Млинарж. «Что они могут мне сделать? — возражал на уговоры Кригель. — Сослать в Сибирь? Расстрелять? Я учел и такую возможность, но подписывать из-за этого не намерен.» «Политические мотивы компромисса, — вспоминает Млинарж, — Кригель обсуждать отказался. Он даже не выглядел политиком. В тот момент это был человек, которому разбойники угрожают смертью, а в качестве выкупа требуют не денег, а честь, детей или жену. В те минуты Кригель повел себя прежде всего как человек, и, как показало будущее, его поведение гораздо точнее отвечало ситуации, чем наше.» (с. 275).

Я подробно привожу эти воспоминания Млинаржа еще и по той причине, что Кригель своим поведением и обликом удивительно напоминает мне Сахарова, которого ведь тоже все кому не лень обвиняли в том, что он не политик, «идеалист», а потом оказывалось, что его поведение было самым «политичным».

После того как Кригель отказался подписать соглашение, сотрудники КГБ увели его с собой, и Брежнев заявил, что Кригель останется в Москве! Но вся чехословацкая делегация, включая президента Свободу, не находившегося под арестом (он сам прилетел в Москву, чтобы выручить Дубчека с его товарищами), категорически отказалась улетать без Кригеля и пригрозила отозвать свои подписи под соглашением. Кремлевские гангстеры пытались давить, торговаться, но на сей раз безуспешно. В конце концов они отпустили Кригеля, привезли его прямо в аэропорт. В Чехословакии Кригель стал национальным героем.

Рассказывая о Кригеле, я ловлю себя на мысли, что среди деятелей Пражской весны не он один был похож на Сахарова. Взять того же Дубчека. Я много читал о нем, и чехи рассказывали, и часто видел его в кино-хронике. Это был удивительно симпатичный человек. Он светился добротой, интеллигентностью, скромностью, открытостью. В нем ничего не было от сановного бюрократа. Такое же впечатление производили и многие другие знакомые мне деятели Пражской весны. Но потом я понял, что схожесть эта зиждилась на том, что все они были, как и Сахаров, по-настоящему интеллигентными, цивилизованными людьми — людьми света.

Соппротивление в Чехословакии продолжалось до апреля следующего, 1969 года и сломлено было прежде всего из-за того, что дрогнули и раскололись верхи. Под угрозой нового прямого вмешательства советских войск Дубчек был смещен с поста председателя КПЧ и заменен коллаборантом Гусаком.

При этом трагедия, как это часто случается в истории, сплелась с комедией. Я имею в виду то обстоятельство, что последним поводом для выдвижения ультиматума со стороны Кремля послужила бурная реакция в Чехословакии на поражение советской хоккейной команды в финале первенства мира в матче с командой ЧССР. На финальном матче чешские болельщики подняли плакат с надписью: «Русские, зовите свои танки!», а советские хоккеисты то и дело завязывали на льду драки. На другой день в Праге в честь победы чешской команды собрался гигантский митинг, на котором опрометчиво, на мой взгляд, выступил ближайший

сподвижник Дубчека, председатель парламента Смирковский. Кремлевские патриоты были в бешенстве... Люди-то они были ко всему еще и мелкие.

Ота Шик о причинах подавления Пражской весны

Я считаю, что очень интересно посмотреть, как виделась изнутри причина подавления Пражской весны. Один из ее лидеров, Ота Шик, в беседе с венгерским журналистом-эмигрантом Джорджем Урбаном рассказывал:

«Имея перед собой пример венгерских событий 56-го года, нам было ясно, что мы должны с максимальной осторожностью, большим терпением и большой тактической ловкостью продвигаться вперед, чтобы избежать вмешательства Москвы».

«Когда я оглядываюсь теперь назад, — продолжает Шик, — на наши терпеливые приготовления, я вынужден повторить еще раз: мы попытались сделать лучшее и в создавшихся условиях не сделали ничего плохого, по крайней мере так думаю я. Но, к сожалению, в последней фазе (после января 68-го, при проведении реформ. — В. Б.) некоторые вещи заскользили у нас из рук. Одно обстоятельство мы все же не учли при продумывании наших реформ, которые мы так кропотливо подготавливали и шаг за шагом контролировали. В последней фазе возник новый элемент, который ускользнул от нашего внимания: некое самовозгорание всего нашего движения, охватившее в конце концов все население страны. Военная оккупация не заставила себя ждать».

— Отчего же произошло это самовозгорание?

Ота Шик отвечает: «Вразрез с бытующим мнением правительство Дубчека не было правительством, поддерживающим реформы, а было правительством компромиссов и промедлений. Оно состояло из двух групп: из «ортодоксов» и убежденных сторонников реформ. И людям в стране было очень трудно разобраться — против кого следует бороться, а кого следует поддерживать... Если одни из новых руководителей были вполне серьезно за реформы, то другие просто ставили палки в колеса реформаторскому движению. Они все саботировали. И это, естественно, вызывало раздражение в стране.

Повсюду, — рассказывает Шик, — образовывались группы с различными мнениями и интересами, пытавшиеся быстрее продвинуть вперед реформистское движение. Эти группы образовали, так сказать, свой момент силы, который уже никто не мог контролировать. С этого момента вопрос уже не стоял — быть или не быть русскому вторжению, а лишь — когда оно может состояться?»

Единственный шанс, по мнению Шика, мог дать скорейший созыв XIV партсъезда, намечавшегося вначале на апрель 68-го года.

«Избранные (на съезде) делегаты, — пояснял Шик, — были хорошими и опытными людьми, душой и телом преданными делу реформистского движения ... а до апреля русские еще не приняли никакого решения ... они все еще наблюдали, выжидали. Если бы нам удалось созвать наш съезд в апреле, мы выбрали бы на нем новое руководство, сумели бы укрепить нашу политику и взяли бы под свой контроль реформистское движение — и наши советские критики были бы вынуждены держать своих коней в узде... Разумеется, я не могу с полной уверенностью утверждать, что оккупация в этом случае

была бы предотвращена, но убежден, что это дало бы нам хороший шанс... Однако нам не удалось убедить Дубчека созвать съезд до апреля. Разногласия между сталинистским и реформистским крыльями руководства вынудили Дубчека медлить... Когда же он наконец решился созвать партийный съезд в сентябре, оказалось слишком поздно. Советские руководители уже приняли решение оккупировать страну еще до партийного съезда».

«В течение 10 лет, — подытоживает Шик, — мы шаг за шагом шли по нашему пути без каких бы то ни было отступлений... Но когда дело дошло до того, чтобы убедить руководство в необходимости созыва съезда до апреля, мы потерпели неудачу, первую за 10 лет. И это фатальным образом обернулось поражением. Когда мы поняли, что партийный съезд не будет созван до сентября, нам стало ясно, что мы проиграли».

Я совершенно не согласен с Ота Шиком в том, что более осторожное продвижение реформ могло бы предотвратить советское вторжение. Решающим мотивом вторжения был страх распространения пражских реформ на всю Восточную Европу, а затем и на Россию. Кремлевские старцы не были настолько уж глупы, чтобы не понимать, чем грозит им и всей партийной бюрократии демократизация политической жизни и переход предприятий и учреждений в собственность трудовых коллективов.

Но картина, нарисованная Шиком, ценна для нас тем, что показывает, как готовились реформы и как общество было в них заинтересовано.

На мой взгляд, единственный шанс предотвращения вторжения могла бы дать лишь массовая поддержка Пражской весны в советской России. А ее-то не было и в помине. Конечно, в стране господствовал тоталитарный режим. Но не потому ли он продолжал господствовать, что общество было пассивным, а интеллигенция в массе своей — эгоистичной, замкнутой на личных проблемах и лакействующей перед властями? Только семь человек сочли своим долгом выйти на Красную площадь в знак протеста против вторжения. Их имена нельзя забывать: Павел Литвинов, Наталия Горбаневская, Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Виктор Файнберг, Владимир Дремлюга, Вадим Делоне. Все они были арестованы и осуждены.

Но вернемся в Чехословакию. После апреля 1969 года началось вытеснение из страны активистов Пражской весны и сочувствовавших им граждан. Людей выгоняли из партии, с работы, их детей — из вузов. Говоря современным русским языком, шла зачистка страны от неблагонадежных. Из КПЧ было вычищено 300 тысяч человек. Сто пятьдесят тысяч сами вышли из партии. Пятьсот тысяч человек вынуждены были покинуть страну — почти вся интеллектуальная элита! Пятьсот тысяч для страны с 15-миллионным населением — это катастрофа, интеллектуальный геноцид.

Те активисты, которые остались в стране, были лишены права работать по специальности, а их дети — учиться в вузах. Профессора подметали улицы, Дубчек работал лесничим. При этом прощу заметить, что любой «зачищенный» легко мог вернуть себе прежнее положение, работу, стоило только ему так или иначе выразить солидарность с новой властью и осудить своих прежних товарищей и их дело. Подписать, например, письмо с осуждением Дубчека, как делали советские интеллектуалы, осуждая Сахарова.

Так что на вопрос, почему в Чехословакии не было своего Сахарова, можно ответить: потому что там было 500 тысяч сахаровых!

«Зачистка» Чехословакии дает ответ и на ехидно-идиотический вопрос наших либералов, почему же, мол, чехи не вернулись к «строительству синтетического социализма» после падения у них в 1989 году просоветского режима? Революционный актив в обществе не формируется по мановению волшебной палочки, он нарастает десятилетиями. И главное, молодежь в Чехословакии после 68-го года разуверилась в возможности что-то изменить в стране при господстве СССР, этого «жандарма Восточной Европы», и ушла в личную жизнь, часто в мелкую коммерцию, которая была предусмотрено разрешена. И когда неожиданно пал тоталитаризм в России, некому было воссоздавать прежнее направление реформ. Возобладали сторонники капитализма из числа тех интеллектуалов, которые в прошедшие годы оставались в научной и литературной жизни, т. е. ладили с просоветским режимом. Эта интеллигенция, полагаю, не имела моральных и интеллектуальных ресурсов, чтобы возродить реформы Пражской весны. И значительная часть «красных директоров» оказала ей поддержку в капитализации страны и сегодня так же, как и в России, ходит в капиталистах.

Наконец, в капитализм чехословаки бросились еще и по той причине, чтобы поскорей слиться с Европой и найти у нее защиту от непредсказуемой России. Сегодня там Горби, а завтра? Великий и обоснованный страх перед Россией сидел и сидит в народах, побывавших под ее господством. Не забудем, что после 68-го года наша страна сумела еще много раз проявить свою империалистическую сущность: поддержка нападения Северного Вьетнама на Южный, подавление «Солидарности» в Польше, вторжение в Афганистан.

И еще. В оправдание чехословацких либералов надо сказать, что в силу известных отличий Чехословакии от России там существовала возможность воссоздания относительно нормального капитализма, не столь злокачественного, как в России. Если бы чехословаки увидели, что капитализм у них оборачивается катастрофой, вымиранием народа, они, я думаю, нашли бы силы остановить капиталистическую реформацию.

«Народ моей любви»

За 30 лет до вторжения советских войск в Чехословакию, в 1938 году, Марина Цветаева написала свои изумительные «Стихи к Чехии», которые с мистической точностью относятся и к событиям 1968 года, и к России. Вспомним эти стихи.

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!..

...О слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

И о чешском народе:

Его и пуля не берет
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!..

Бог! Если ты и сам — такой,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми — оживи!

Сколько бы я ни читал эти стихи, на глаза навертываются слезы и спазма сжимает горло.

И стихи эти в равной мере относятся к нападению российской «черной горы» на маленький (в 150 раз меньше!) и тоже замечательный своим свободолюбием чеченский народ, который Россия в прошлом уже дважды пыталась уничтожить. (При завоевании и при сталинской депортации). И к России также можно обратить предупреждение: *«О мания! О мумия величия! Сгорись, Россия, безумие творишь!»*.

В эмиграции я воочию убедился, «какой это народ» — чехи и словаки. (Для меня они представлялись одним народом, и я никогда не видел разницы между ними, как не замечал и какой-нибудь разобщенности.) В массе своей это, на мой взгляд (и не только мой), один из самых цивилизованных народов мира. В эмиграции я общался с людьми из разных стран и имел возможность сравнивать.

Среди эмигрантских землячеств Восточной Европы чехословацкое землячество выделялось отсутствием жестокой междоусобной борьбы и взаимной терпимостью, отличалось взаимопомощью, порой просто поразительной. К примеру, жил в Париже Павел Тигрид, видный деятель правой ориентации, редактор журнала «Свидетство», выехавший из Чехословакии еще в 1948 году после установления там просоветского режима, а в Риме жил Иржи Пеликан (или, как забавно говорят чехи, Ирка Пеликан), видный деятель левой части чехословацкого землячества, редактор журнала «Листы». (В Пражскую весну он был директором радио и телевидения ЧССР, сыгравших огромную роль в демократизации страны.) В русской эмиграции это были бы непримиримые, смертельные враги, а в чехословацкой — я узнаю, что когда Пеликан был занят участием в итальянской избирательной кампании (он был депутатом Европарламента от социалистической партии Италии!), то его «Листы» редактировал, готовил к печати Павел Тигрид! А ведь их разделяли не только политические позиции, разделяла личная судьба: Тигрид бежал из страны, когда молодой Пеликан в рядах компартии устанавливал в ней просоветский режим. От Пеликана, можно сказать, бежал! И вот в эмиграции они помогают друг другу, оставаясь каждый при своих взглядах!

О профессиональном уровне деятелей Пражской весны. Ота Шик, оказавшись в эмиграции, занял кафедру постоянного профессора экономики в одном из лучших университетов Швейцарии, в Сент-Галлене. Когда в США решался вопрос о политике детанта с Советским Союзом, американское правительство и Сенат пригласили для консультаций шестерых самых авторитетных в то время экономистов западного мира, и среди них — Ота Шика. Другой ведущий разработчик пражских реформ, Иржи Коста, возглавил кафедру экономики университета во Франкфурте-на-Майне, экономической столице Германии. Немецкие газеты писали тогда, что благодаря советскому вторжению в Чехословакию западный мир получил таких выдающихся экономистов, как Ота Шик и Иржи Коста.

Востребованы были на Западе и «гуманитарные» активисты. Искусствовед и философ Антонин Лим, которого называли «архитектором чехословацкого киночуда», преподавал в университете Нью-Йорка, а потом постоянно — в Сорбонне. Историк Михал Райман стал постоянным профессором «Свободного берлинского университета», юрист Зденек Млинарж профессорствовал одновременно в университетах Вены и Инсбрука. И ряд этот можно было бы еще долго продолжать. Существовала шутка: кинь палку в политэмигранта из Чехословакии, попадешь в профессора какого-нибудь западного университета.

Для меня лично чехословацкая эмиграция была спасительной пристанью. Там я встречал человеческое тепло, мягкую, ненавязчивую помощь, отсутствие зависти, соперничества, напьяненного самолюбия. Чехи и словаки ввели меня в международное движение «Третий путь», в котором я смог познакомиться с «людьми из будущего» — представителями компаний и ассоциаций различного типа, принадлежащих их работникам. Чехословаки помогали мне издавать и мои книги. В частности, Иржи Пеликан, мой самый большой друг в эмиграции, написал предисловие к немецкому изданию «Самоуправления»¹, а рецензировал ее рукопись для издательства Зденек Млинарж.

Я не уверен, что смог бы выжить без поддержки чехословацкой эмиграции, находясь в атмосфере постоянной травли и ненависти в российской среде.

Чехословацкая эмиграция спасла меня и от впадения в мизантропию. Глядя на нее, я видел, что люди остаются людьми даже в эмиграции. Между прочим, изо всех русских политэмигрантов, увы, только я один сотрудничал с политэмигрантами чехословацкими.

Русская реакция. В 69-м году после прихода в Праге к власти Густава Гусака из Чехословакии вынужден был эмигрировать уже известный читателю радиожурналист Карел Ездинский. Он приехал в Мюнхен и поступил работать комментатором в чехословацкую редакцию «Свободной Европы». По иронии судьбы его день рождения приходился на 7 ноября, и в год приезда Ездинского в Мюнхен отмечать этот день собралась почти вся мюнхенская община политэмигрантов из ЧССР. Замечу, что чехи и словаки очень весело проводят свои вечеринки и любят на них петь, в том числе в порядке «швейкования» поют и советские песни, иногда изменяя их текст в сатирическом и хулиганском духе. Так вот, на дне рождения Ездинского — 7 ноября! — собравшиеся, конечно же, запели «Интернационал». И вскоре в Америку была отправлена депеша, подписанная группой русских эмигрантов, в основном работников «Свободы», членов НТС, в которой до сведения компетентных органов США доводилась информация о том, что скрытые коммунисты из Чехословакии во главе с прибывшим из Праги неким К. Ездин-

¹Russland vor der Wahl.(Россия перед выбором) Freiburg, Herder Verlag,1989.

ским, принятым в штат «Свободной Европы», праздновали день Октябрьской революции и пели «Интернационал».

Вы спросите, как реагировали на это американские «органы»? Никак, разумеется. Это к вопросу о том, чем отличается ЦРУ от КГБ!

Подведу итоги. Почему я считаю, что история России и всего человечества могла бы сложиться иначе, если бы реформы Пражской весны не были задавлены?

Да потому, что в Чехословакии мог быть создан и представлен миру строй, который был бы лишен тяжелых пороков капитализма и социализма (государственного, марксистского типа), но содержал бы их лучшие качества. И нетрудно предположить, что такой строй начал бы распространяться по Центральной Европе, в одной стране за другой. Даже несмотря на подавление Пражской весны в Польше в 1981 году была вновь предпринята попытка установить подобный строй. Захватил бы этот процесс и Балканы, Югославию, где реформы самоуправления застряли на полпути, так как проводились сверху партийной бюрократией. И в конце концов «зараза» могла бы перекинуться и в нашу многострадальную страну.

Повлияло бы развитие в социалистических странах синтезного (или конвергентного, по Сахарову) уклада и на западный мир. Интересно и характерно, что именно с конца 60-х годов на Западе начинают создаваться в большом количестве и в разнообразных видах предприятия и коммерческие учреждения с собственностью работников. Это и «исоповские» компании в США, которые затем появляются и в других западных странах, это и кооперативы нового социалистического типа (без внешних владельцев) и их ассоциации, такие, как испанская федерация «Мондрагон» — мини-государство будущего. Говорит это о том, что почва для подобного развития уже создается в мире, и утверждение кооперативного социализма в Центральной Европе в рамках целых государств, и уж тем более в России, подтолкнуло бы и остальной мир к ускорению процесса синтеза капитализма и социализма, что увеличило бы шансы на выживание человечества, на преодоление нависающих над ним смертельных угроз. Не забудем главного постулата Сахарова, который он не уставал повторять в течение всей своей жизни, что «конвергенция социализма и капитализма в конечном итоге единственная альтернатива гибели человечества».

Мы были недавно свидетелями волнений обнищавшего народа Аргентины. Пять президентов один за другим были свергнуты в течение месяца! А толку? Строй не изменился. У бунтующего народа не было конструктивной цели, не было понимания «что делать», кроме как свергать с президентского престола одного жирного жулика за другим. А какую потенциальную мощь демонстрирует антиглобалистское протестное движение! Но без конструктивной программы и это движение обречено на затухание.

Марксистский госсосоциализм уже ни для кого не является путеводной звездой, но если бы сейчас кооперативный социализм развивался в странах Центральной Европы и в России, народ Аргентины знал бы что делать! И вместо расплывчатого антиглобалистского движения в мире возникли бы партии синтезного социализма. Развитие сектора трудовой собственности в западных странах не привлекает к себе достаточного внимания в мире, в том числе и из-за нежелания СМИ капиталистических стран пропагандировать этот сектор. И это развитие имеет предел: на его дороге стоят утесы транснациональных монополий, которые могут быть снесены только политической волей в случае победы в западных странах партий синтезного социализма, которых, однако, еще нет в природе.

Но почему я уверен, что синтезное развитие было бы успешным в Чехословакии и эта страна могла бы стать для всех притягательным примером?

Прежде всего, исходя из успешного развития «синтезных» ячеек на Западе. Основание для оптимизма дает даже опыт реформ в Югославии, который, несмотря на его половинчатость, был далеко не столь негативным, как это нам внушала советская пропаганда, а вслед за ней и антисоветская, «либеральная». Половинчатость югославского опыта, напомним, состояла в том, что там сохранялся авторитарный однопартийный режим, не было полных прав собственности у трудовых коллективов на средства и продукцию производства, не было и свободного рынка. И несмотря на все это качество и уровень жизни там после внедрения элементов самоуправления, поднялся заметно выше, чем в бедных капиталистических странах Европы, к числу которых ранее принадлежала и Югославия. Я имею в виду такие страны, как Греция, Португалия, Турция, а также Южная Италия, которая остается нищим регионом, в то время как Северная Италия принадлежит к числу самых развитых капиталистических регионов. И уж значительно выше был уровень, чем в странах государственного социализма.

Ну и главным основанием для уверенности в том, что реформы в Чехословакии были бы успешны, являются качества ее народа! Его высокая культура, демократичность, терпимость нравов, а также развитие науки и промышленности. До войны уровень промышленности в Чехии не уступал немецкому, и немцы ездили в Чехию, чтобы покупать там продукты и товары, которых не было в Германии или они были слишком дорогими. Учитывать надо и исторический опыт чехов и словаков, имевших в прошлом солидный стаж и демократии, и капитализма.

И когда берешь все эти обстоятельства и качества в совокупности, то приходишь к выводу, что Чехословакия представляла собой наилучшую лабораторию для того великого эксперимента, который начат был там в 1968 году, для прорыва в будущее.

Брежнев со товарищи, подавив Пражскую весну, а впоследствии и движение «Солидарность», затормозили (в лучшем случае) ход мировой истории и сделали максимум для того, чтобы синтезный, настоящий социализм нигде не мог бы взрасти (в масштабах государства) в обозримом будущем. Нынешние российские капитал-коммунисты и их интеллектуальная обслуга должны были бы воздвигнуть памятник Брежневу. Не будь его злополучной решимости, им, скорее всего, пришлось бы сегодня ходить в пенсионерах.

P.S. Забегая вперед, скажу, что все, что я знал об упомянутых выше событиях и идеях, я подробно рассказывал в своих программах, работая на «Свободе», рассказывал и о развитии ячеек нового социализма на Западе. Теперь же, в «демократической» России, я напрочь лишен такой возможности. И правые СМИ, и так называемые левые слышать не хотят ни о каком синтезе капитализма и социализма. Правых отпугивает слово «социализм», левых — «капитализм». Словеса о самоуправлении у левых — очередная демагогия и профанация, они мечтают о возвращении к госсоциализму, застряли в старых советско-марксистских представлениях, ненавидят рынок и «буржуазную» демократию, в лучшем случае некоторые из них допускают лишь югославский вариант, так сказать управляемого самоуправления.

На «Свободе» мне тоже приходилось нелегко: эмигранты всех правых направлений (левых в русской эмиграции не было даже по самоидентификации!) негодовали по поводу моих передач и всячески пытались склонить американское начальство к тому, чтобы их запретить, но американцы не поддавались. Они не разделяли идейную направленность моих передач, однако терпели их во имя плюрализма.

P.P.S. Я часто говорил о «швейковском» юморе чехословаков, об их веселости. Недавно, перечитывая «Иосифа и его братьев» Томаса Манна, я обратил внимание на слова Иосифа перед встречей с братьями в Египте: «И внести в это нужно как можно больше праздничного озорства и веселья. Веселье, друг, и лукавая шутка — это самое лучшее из всего, что дал нам Бог, и самый лучший ответ на запутанные вопросы, задаваемые жизнью... Только в веселье человеческий дух может подняться над ними, чтобы душевно шутя над неразрешимым, вызвать улыбку, пожалуй, у самого Бога, у этой величавой неразрешимости».

Лукавая шутка — это и есть суть того, что я называю «швейкованием».

На конгрессах движения «Третий путь» (в Западной Германии) установилась традиция: каждой национальной группе проводить вечеринку, приглашая на нее всех участников конгресса. Я бывал на вечеринках немцев, французов, голландцев и других групп, но самые веселые и озорные вечеринки были у чехословаков, и собирали они самое большое количество гостей.

После освобождения Чехословакии от «освободителей», т. е. после падения там в 89-м году просоветского режима, я несколько раз бывал в Чехии, в Праге. Знакомые, милые лица на улицах, и среди них — новые лица: агрессивные девочки-проститутки, всяческие уличные умельцы, зарабатывающие себе гроши на прожитие, безработные, западная реклама, супермаркеты, рестораны — все как полагается, и — ощущение провинциальности, обочины, сумеречный свет на всем.

В 68-м году народ Чехословакии засиял звездой первой величины и мог стать героем мировой истории. Это не шутка — проложить путь в новую эру.

Но Россия погасила звезду Чехословакии, как позже и звезду Польши. И, видимо, точнее подходит для нашей страны не образ «черной горы», а образ «черной дыры», как называются массы сверхплотной материи в космосе, обладающие таким сильным гравитационным полем, что они притягивают, не выпускают, поглощают свет и потому представляются наблюдателям как черные дыры. Цветаева в 38-м году еще ничего не могла знать об этом феномене. Однако ее интуиция поэта, ее видение мира точно выделило главную функцию тогдашней, тоталитарной Германии: «*О черная гора, затмившая весь свет!*».

В заключение этой главы хочу предложить читателю сокращенный текст из доклада Ота Шика, сделанного им во Франкфурте-на-Майне в 1970 году перед эмигрантами-соотечественниками,¹ чтобы читатель мог получить представление об идеях и духе Пражской весны из первых рук.

Доклад Ота Шика

«Дорогие друзья! Это — мой первый доклад в чешской среде после того, как я оставил родину. К сожалению, я не могу вам сказать того, что вас — и меня тоже — больше всего интересует, а именно: когда и как изменится обстановка у нас на родине...

¹Текст доклада был напечатан в журнале «Грани» (Франкфурт на Майне.1972, №86)

Вскоре после революции многие из нас осознали, что мы во время войны, концентрационных лагерей и задолго до этого желали совсем не того, что было осуществлено на практике...

Думаю, что в коммунистическую партию пришло немало людей с искренним желанием служить социализму. В особенности, по-моему, такой была коммунистическая молодежь до войны. Сегодня мы хорошо видим, что тогда у нас были упрощенные представления: мы считали, что достаточно лишь упразднить буржуазную власть, капиталистиче-

скую собственность, ввести планирование, как сразу воцарится порядок и все станет лучше, чем было раньше.

После XX съезда КПСС передо мной возник вопрос: выходить из партии или попробовать что-то изменить?

Нас было мало: группа людей в Высшей партийной школе. Интересно, что именно так мы себе и сказали: если дело в этом, то нам следует попытаться исправить наши собственные ошибки, вернее, изменить присущие системе качества. Мы способствовали их внедрению, мы и пробуем их исправить. С 1956 года мы начали работать в этом направлении. Сегодня я сделал бы то же самое. Я полагаю, что такое решение — более принципиально и серьезно, чем просто выйти из партии. В то время я был еще мало кому известным молодым человеком, и для меня было бы куда проще со всем этим разделаться. Но, как видите, мы стали подготавливать изменения, готовили их около десяти лет, и нам это почти удалось.

Примерно в 1957 году я начал теоретически разрабатывать иную модель социалистического общества. Я и сегодня подтверждаю, что остался социалистом. Однако при этом я делаю принципиальное различие между социализмом и коммунизмом. Для меня понятие «коммунизм» просто тождественно известной нам практике и теории, и внутренне я давно уже порвал с такими основными принципами коммунистического общества, как диктатура пролетариата, ведущая роль одной партии, государственная собственность, централизованное директивное планирование и т. д. Это — основные столпы коммунистической системы, и я принципиально их отвергаю.

Мы пытались добиться изменений путем реформ, которые должны были завершиться упразднением перечисленных принципов. Это я хотел бы особенно подчеркнуть. Однако не думаю, что все это должно означать отход от социализма.

Я и сегодня не изменил своей критической точки зрения на западное капиталистическое общество. Наоборот, во время пребывания за границей некоторые мои критические взгляды лишь углубились и укрепились. И этого я никогда не скрываю. Я читаю лекции в двух швейцарских университетах, читаю их по всему миру, главным образом в университетской (студенческой) или «деловой» среде, везде выражаю открыто свое критическое отношение к коммунистической системе, но это вовсе не означает, что я перешел на позиции нынешнего капиталистического общества. Напротив, гораздо больше, чем раньше, я убежден, что на Западе развитие приведет к созданию определенной модели социалистического общества, которое, однако, будет иметь совсем иной характер, чем в теперешних так называемых социалистических странах.

Модель управления

Значит ли это, что мы предполагали совсем расстаться с планированием? Нет, мы с ним расстаться не хотели, так как не были такими наивными «товарными» идеалистами-экономистами, какими нас непрерывно изображают на Западе. Все это пустая демагогия. Мы ведь все-таки знали, что сегодня ни одна западная страна не имеет абсолютно свободного товарного хозяйства, что везде существуют элементы планирования...

Но мы знали, что и этого еще мало. Мы стремились к такому планированию, которое не только обеспечивало бы равномерный и относительно постоянный рост хозяйства, но и развитие хозяйства в направлении, отвечающем интересам большинства народа. А без государственного вмешательства, при стихийном развитии торговли, этого добиться нельзя. Без государственного вмешательства, даже при существующем уровне государственного регулирования, производители, особенно монопольные предприятия (концерны), сегодня еще достаточно сильны и независимы. Они, я бы сказал, дирижируют производством и насилуют государственное экономическое развитие в угоду своим узким монопольным интересам. Поэтому должен существовать какой-то более компетентный общественный орган, который смог бы, вопреки узким интересам производителя, добиваться удовлетворения широких общественных интересов. Иначе говоря, мы хотели прийти к так называемому макроэкономическому планированию, которое, с одной стороны, не ставило бы предприятиям никаких связывающих целей, но с другой — должно было бы служить основой экономической политики власти. Планы же, и мы подчеркивали это, должны были носить демократический характер. Это значит, что во всех комиссиях, от низовых до самых высших инстанций, до парламента, всегда, грубо говоря, должны быть две «палаты», представляющие интересы производителей и непроизводителей. Непроизводители — это люди, представляющие иные, не чисто производственные, а скорее гуманистические интересы общества. Они могли бы, например, поднимать проблемы улучшения школьного образования, социального обеспечения, медицинского обслуживания, сокращения рабочего времени, вопросы урбанизма, охраны природы и т. п., иначе говоря, интересы производителей должны были бы постоянно уравниваться интересами непроизводителей. При таком демократическом способе планирования, что мы опять-таки подчеркивали, должен был бы разрабатываться не один, а два-три варианта плана, чтобы высшие демократические органы имели возможность выбора одного из вариантов или компромисса между двумя вариантами. В этом — радикальное отличие от прежнего планирования, при котором план составляло плановое учреждение, а выбора вообще никакого не было.

Демократический характер планирования проявлялся бы еще и в том, что для предприятий план не являлся бы обязательным; мы подчеркивали его ориентировочный характер: он должен был ставить долгосрочные цели. Таким образом, общество могло бы его направлять по своему желанию. Скажем, решено повысить материальное положение. Хорошо, в таком случае должно повышаться производство материальных ценностей и материальное потребление. А быть может, общество сочтет, что повышать производство материальных ценностей следует медленнее, зато надо, например, как можно скорей улучшить медицинское и другое социальное обслуживание или образование, или сократить рабочее время и т. д. Короче говоря, если общество изберет иные цели, то для достижения этих целей будут открыты все возможности. Правительство должно добиваться этих запланированных целей, используя хозяйственно-политические инструменты — политику налогов, кредитования, таможенную политику и т. д. С одной стороны, рынок должен заставлять производителя обеспечивать самое эффективное и оптимальное производство, но с другой — сам рынок должен быть подчинен основным долгосрочным целям общества. Таково было в общих чертах наше представление о планировании.

Для этого нам нужна была подлинная заинтересованность производителей в наиболее эффективном процессе производства. Поэтому нужно было добиться, чтобы предприятия повели себя так, как ведет себя частное предприятие в торговом хозяйстве, т. е. чтобы это предпри-

ятие заботилось о самом рациональном, самом эффективном развитии, но чтобы это не было одновременно возвратом к капитализму. Такого возврата мы не хотели.

Наша деятельность, и я постоянно это подчеркиваю, никоим образом не была шагом назад, если отбросить, конечно, бессмысленные догматические представления о том, что социализм существует только там, где обобществлен последний портной. Это — глупость. Наоборот, в масштабах небольшого производства, основанного на труде самого хозяина, мы допускали возобновление частного предпринимательства. Но на больших промышленных предприятиях никто не хотел возврата к капитализму. Из них мы стремились создать коллективные социалистические предприятия, т. е. такие, где владельцем должен стать коллектив; он сам должен был выбирать своих представителей. В те весенние месяцы мы окрестили такой орган «Советом трудящихся предприятия». Он не должен был подменять директора; задача Совета заключалась не в управлении производством, а в том, чтобы быть вышестоящим контрольным органом.

На Западе существуют «наблюдательные советы», но они представляют интересы акционеров, т. е. людей, стоящих вне предприятия; у нас же должны были быть учреждены советы, представляющие сам коллектив предприятия. И эти советы, подобно западным, в случае необходимости были бы полномочны назначать или смещать директоров. Их задача заключалась бы в контроле, в перспективном управлении и проверке того, отвечает ли данное управление предприятием основным целям коллектива предприятия...

Мы хотели преодолеть отчуждение трудящихся от своих предприятий, превратить их в его действительных полноценных совладельцев. Судьба предприятия должна быть в их руках. Отсюда вытекало, что после уплаты налогов государству — нормальных налогов — доход принадлежал бы предприятию, а как этот доход в дальнейшем распределялся бы — явилось бы уже делом самого предприятия. Оно само должно решать, какая часть дохода пойдет на развитие производства, на капиталовложения. При этом мы предусматривали отчисление части дохода не только на нужды собственного предприятия. Мы хотели ввести и расширенный фонд капиталовложений, т. е. считали нужным дать возможность предприятиям (если они не могут вложить часть дохода в собственное производство) помещать эти средства в другое предприятие, конечно, всегда в форме долгосрочного кредита, однако на более выгодных условиях, с более высокими процентами, чем если капитал был бы положен в банк. Коллектив, через своих представителей, должен был бы решать, какую часть он считает возможным вложить в собственное предприятие, какую — в случае надобности — в другое дело, а какую — разделить между собой в качестве доли участия в прибыли. По нашим расчетам, эта часть должна быть достаточно крупной, чтобы заинтересовать работников в увеличении дохода. Мы рассчитывали, что участие в получении прибыли должно составлять в среднем около двадцати процентов, а впоследствии по отношению к основной зарплате — и больше.

Мы хотели таким способом пробудить в рабочих заинтересованность не только в своем личном заработке, но и в развитии всего пред-

приятия; чтобы они усвоили мысль, что с повышением общего дохода их предприятия в последующие годы будут расти и их личные доходы. Мы хотели, чтобы образ мышления человека, заинтересованного только в заработке, сменился образом мышления человека-хозяина, по-настоящему заинтересованного в хозяйственном творчестве и имеющего реальную возможность через своих представителей принимать в этом творчестве участие. Таково было на-

ше основное представление о создании — я бы их так назвал — социалистических промышленных предприятий...

И в самом современном хозяйстве невозможно обойтись без непрерывного создания новых мелких предприятий, из которых снова вырастают средние, и т. д. Эта проблема была для нас одной из наиболее ответственных, и мы старались здесь найти наиболее гибкое и эластичное решение. В связи с этим мы предполагали снова допустить частные предприятия, принадлежащие мелким производителям-ремесленникам, а также в сфере обслуживания и т. д., т. е. создать настоящие живые сообщества, в противоположность обюрократившимся государственным предприятиям, какие были у нас до сих пор. Для таких новых сообществ достаточно было бы объединения десятка людей с хорошей идеей. Но им следовало предоставить свободу основывать новые предприятия, дешевый кредит и всяческую другую поддержку. Следовало дать возможность и промышленным предприятиям за свои средства самим открывать новые предприятия, но таким образом, чтобы у них была в этом заинтересованность. Наконец, и банкам, общинам и государству следовало предоставить возможность самостоятельно основывать предприятия и т. д. Одним словом, следовало создать поле для широкой экономической инициативы, чтобы хозяйство в своей эластичности не отставало от экономики Запада. С моей точки зрения, такой принцип эластичной системы предпринимательства можно было осуществить.

За коллективную собственность

...Я считал, что коллективная собственность так или иначе, но пробьет себе дорогу и у нас, и на Западе, хотя бы это произошло и через несколько десятилетий.

Я убежден, что инфляционное развитие — одно из типичных явлений в хозяйстве, где сами получатели зарплаты, борясь за более высокие заработки, заставляют капиталистов постоянно поднимать цены. Повышение же цен снова приводит к повышению зарплаты, а повышение зарплаты — к повышению цен и т. д. Получается бесконечная цепь, и в данных условиях, по-моему, этот процесс не смогут остановить никакие государственные органы и никакие уговоры. При данных условиях с этим явлением в принципе справиться невозможно.

Поэтому сейчас не только в социалистических, но и в несоциалистических кругах проявляется огромный и все возрастающий интерес к новому начинанию — «Vermoögensbildung», цель которого — превратить рабочих в совладельцев капитала. Для проведения этого мероприятия в жизнь существуют самые разнообразные проекты, но все они доказывают, что общее развитие идет именно в этом направлении. Следует учесть и то, что старыми способами уже невозможно поддерживать заинтересованность рабочих в труде...

Эти факторы, по-моему, приведут к тому, что и на Западе со временем победит движение за участие рабочих в доходе предприятия и постепенно превратит их из получателей зарплаты в совладельцев капитала. Общество изменилось, и новые условия его существования уже не соответствуют разделению общества на малую группу капиталистов и большую группу получателей зарплаты.

Таковы были наши понятия об экономических переменах. Из них возникли и соответствующие политические концепции.

От реформы экономической к реформе политической

Нам было ясно, что свободное коллективное хозяйство может существовать только в подлинно демократических условиях. Оно несовместимо с монопольной властью одной партии. По-

этому наши представления о демократических условиях с самого начала были безоговорочно связаны с современным плюрализмом. Немыслимо себе представить самостоятельно действующее предприятие и его директора, берущего на себя определенный риск и ответственность, при условии, что у них будет опекун, или что директор будет назначаться каким-нибудь центральным органом. Для свободного коллективного хозяйства немыслимо, чтобы одна партия, без контроля народа и без демократических выборов, разрабатывала планы и давала директивы на будущее, указывала пути дальнейшего развития. Такое положение противоречило бы интересам и воле абсолютного большинства народа. Нам было ясно, что надо добиваться плюралистической демократии.

Естественно, эту мысль можно было выдвинуть только в самом конце, начинать с нее было невозможно. Если бы мы эту мысль высказали, скажем, в 1963 году, то, само собой разумеется, на этом все наши планы и кончились бы.

В первых сообщениях об экономической реформе мы только упомянули, что Советам трудовых коллективов следует отвести на пред-

приятиях большую роль и что так называемая контрольная функция партии на заводах должна быть изменена — и уже этого было вполне достаточно, чтобы отвергнуть проект...

В последнем проекте глава о роли Советов трудовых коллективов, наконец, совсем выпала, протолкнуть ее не удалось (до 1968 года. — В. Б.). И все-таки несмотря на это мы решили: надо бороться за экономическую реформу и в таком виде, потому что это — первый шаг. Посредством экономической реформы мы должны прийти к демократизации политической системы...

В нашей среде было два направления: одно стремилось только к плюрализму (большее количество политических партий), а другое — должен сказать, что я принадлежу к нему и защищаю его и сегодня — пыталось искать нечто новое. Мы считали, что форма политических партий — это старое, отжившее, что уже и на Западе она себя не оправдывала. В сущности, во всех партиях все решает небольшая группа, масса же рядовых членов фактически на политику партии не имеет никакого влияния. Партии — это в каком-то смысле такие институты, где отдельные люди делают себе политическую карьеру. Партийная система — это не та система, которая могла бы обеспечить то, к чему мы стремимся, а именно: эластично объединять группы людей с общими интересами, — которые могут быть долговременными или кратковременными, — для достижения определенных целей, после чего люди могут свободно расходиться. Мы стремились создать более гибкую систему плюрализма. В этом направлении, если вы заметили, уже делались шаги в народном фронте. Мы пытались провести это на практике и через народный фронт прийти к различным организациям: молодежным, культурным, общественным, к самым разнообразным группировкам, связанным общими интересами и добивающимся осуществления той или иной идеи общественного развития.

Этот плюрализм мы предполагали обеспечить новой системой выборов, чтобы люди могли свободно (в полном смысле слова) выбирать по двум или даже по трем направлениям. По этому вопросу у нас происходили дискуссии: нужны две или три палаты в парламенте? Во всяком случае, мы хотели предоставить возможность производителям, сгруппированным согласно их интересам, выбирать своих представителей в палату промышленности, а той части общества, которая состоит из потребителей, заинтересованных не в промышленном, а в гуманитарном развитии страны, т. е. писателям, врачам, учителям, публицистам, работникам искусства и т. д., выбирать своих представителей. Таким образом обеспечивалось бы осуществ-

ление двух основных направлений интересов — промышленного и непромышленного, и внутри каждого из них, в свою очередь, развивались бы плюралистические представления о том или другом изменении.

Это был путь, которого добивались мы и которого больше всего боялись они. Они знали, что это означало бы конец партийной бюрократии, знали, что этот путь означал уничтожение власти аппаратчиков. Поэтому вполне объяснимо их сопротивление реформам у нас и давление со стороны тех государств, правящие клики которых ставились под непосредственную угрозу развитием событий в Чехословакии...

Я глубоко убежден, что этот процесс повторится и в самом Советском Союзе. Пусть он наступит там позже, чем в Чехословакии, но все симптомы того, что было у нас в начале шестидесятых годов, налицо. Там назревают совершенно те же проблемы, идет такая же кристаллизация, и существуют только две возможности. Либо верх одержит сталинистское руководство, что может привести к мировой катастрофе, так как это означало бы победу того крыла, которое будет удерживать власть даже ценой всеобщего уничтожения... Но я лично не верю в победу этого крыла. Я верю, что в СССР сильнее другое крыло, и сильнее оно тем, что получает уже сегодня, как это было в Чехословакии, может быть, еще незаметную и небольшую, но усиливающуюся с каждым днем поддержку снизу. Прогрессивное движение всегда начинается с интеллигенции: людей культуры, науки, искусства, студентов; затем захватывает круги прогрессивно мыслящих рабочих и постепенно проникает в толщу народа. Оно развивается длительно, но неуклонно...

Думаю, что этому движению события нашей Пражской весны уже помогли. Теоретическое же содержание «весны», вероятно, поможет еще больше».

Грустную усмешку вызывают последние слова Ота Шика! Он, видимо, не понимал все-таки до конца, во что превратилась к тому времени Россия. Как, впрочем, и я еще этого тогда не понимал. Российская интеллигенция не обратила никакого внимания на идеи и программу Пражской весны, как впоследствии и на программу польской «Солидарности». Сказались здесь и умственная деградация интеллигенции, и ее шовинизм. О чем могут научить русских какие-то там чехи или поляки!